

*Константин**Кешин*

(1938–2019)

ЧУДЕСА СВОИМИ РУКАМИ

До поры до времени Амстердам оставался в моем сознании, моем самочувствии неутомимого поклонника дальних путешествий крупнейшей «узловой станцией» наравне с Франкфуртом и Стамбулом. И всегда в огромном аэропорту на берегу Амстера ласковой непробиваемостью покоряли милые таможенники. Свверяешь время прибытия рейсов из Нью-Йорка ли, из Загреба или Афин в Амстердам и отправки из него же в Астану или Алматы, заранее предчувствуешь, как ты, «краев чужих неопытный любитель», «с чувством, толком, расстановкой» проведешь в прибрежном городе на севере континента эти выпавшие тебе по неумолимому раскладу судьбы десять-двенадцать часов между рейсами. Даже таинственная карта из «Острова сокровищ» Стивенсона не приводила героев классического приключенческого романа в такой трепет и восторг, как завлекательные соблазны и заманчивые общения, которыми загружает наше взволнованное воображение Интернет. Предвкушаешь Дом Анны Франк (во всех проспектах – первой строкой), Амстердамский исторический музей (англо-бурская война, «Трансвааль. Трансвааль, страна моя, Ты вся горишь в огне»), велосипедные и пешеходные прогулки по амстердамским улицам и прочая, и прочая, и прочая. Однако в аэропорту «Shipholl» – маленькая заминка: Шенгенская виза-то просрочена («Так получилось!»). «Что за проблема?! Вот он, наш билет, через несколько часов явимся обратно, как миленькие!» Таможенники, в одиночку и группами, искренне сочувствуют, ласково и заботливо улыбаются, расспрашивают о Казахстане, о нашей замечательной столице, о каспийской нефти, исчезают, возвращаются, уточняют, согласовывают. И всё это вплоть до того часа, как объявляют регистрацию на рейс авиакомпании «KLM» в Алматы или Атырау. Веселое таможенное развлечение, однако, непредвиденный забавный перерыв в монотонной пограничной жизни. Зато в аэропорту не осталось уголка, куда бы ни заглянул изнывающий от скуки ожидания поневоле терпеливый путешественник.

На этот раз визовые документы выправлены чин чином. Добираешься как раз к обеденному времени до скромной гостиницы «Othel de Paris» («Не забывай, охотник за впечатлениями: ты – в Европе!») в центре города, можно сказать, в сердцевине музейной зоны и понимаешь: сил и вдохновения осталось ровно настолько, чтобы без спешки составить дальнейшие маршруты.

А путешествовать по Нидерландам (Голландии) необходимо на свежую голову, с ясностью во взоре и максимальной готовностью воспринимать всё увиденное и услышанное.

МУЗЕЙНЫЙ ПРОЛОГ

Привлекательная особенность Амстердама – стремление поведать в режиме pop-stop кратковременному или долгосрочному гостю о множестве великолепнейших сокровищ, а они здесь располагаются повсюду – в музеях, на улицах и площадях, мостах и каналах, в окрестностях, ближних и дальних, да и просто за столиками кафе на открытом воздухе, на скамейках железнодорожного или речного вокзалов. Настойчивая неотступная доброжелательность здесь обретает форму бьющего через край информационного потока. К вашим услугам бесчисленное количество планов города, экскурсионных маршрутов, музейных путеводителей – всё для того, чтобы сразу окунуться в горячую познавательную атмосферу. Обращаешься к администратору в родной «парижской» гостинице, как, дескать, добраться до Национального музея. Он (администратор, а не музей) протягивает руку к толстой стопе красочной бумаги (лист размером в страницу нашей казправдинской «толстушки»), отрывает страницу, на которой отпечатан план центральной части Амстердама, – и вот у меня в руках старательно прочерченный на этой странице маршрут Othel de Paris – Rijks museum Amsterdam.

На стене Государственного музея – пока стоишь в очереди посетителей, это можно разглядеть досконально – во много раз увеличенный фрагмент картины Вермеера «Молочница». Что весьма знаменательно: начиная с XVII столетия («Золотого века нидерландской живописи») в самосознании голландцев всё больше ценится частная жизнь со многими ее подробностями, а также люди не королевского звания, а простонародного круга. Натюрморты, пейзажи, портреты... Франс Хальс, Вермеер, Рембрандт... Конечно, о причастности всех и каждого к державному мироощущению тоже не стоит забывать. Как-никак современные жители Нидерландов – потомки великих воинов и прославленных мореплавателей. Неспроста лишь только посетитель уважительно переступает порог, его встречает первый музейный экспонат – изумительной красоты и потрясающей тщательности модель военного корабля «Король Вильям». Киль, корма, мачты, полная парусная оснастка... Одним словом, «Свистать всех наверх!» Не на этом ли шестнадцатипушечном красавце постигал нелегкую корабельную науку «арап Петра Великого», Ибрагим Петрович Ганнибал, дерзкий и мужественный прадед нашего Александра Сергеевича?

О неповторимости голландского менталитета, уникальности голландской культуры можно судить, оказавшись, для начала, как раз в Государственном музее.

Музей – это особенный нидерландский интеллект и неповторимый национальный характер, эпохальные, нередко трагические события истории страны, это – красота голландской земли, морских пространств, величие высокого дарования великолепнейших мастеров кисти, красок и холста, талантливых мастеров прикладного искусства. Последние очень хорошо представлены в Государственном музее: изумительные кукольные дома, как и бело-синий дельфтский фарфор (фаянс), способны надолго поразить воображение. Чего

стоит одна только уникальная фаянсовая скрипка, изготовленная в начале 18 века!.. Конечно, фарфоровая технология вместе с выдающейся красотой позимствованы в пределах Поднебесной империи, зато как усовершенствованы, как блистательно применены!..

Чтобы не застрять в музейных залах на многие дни и недели, присмотримся прикованно – как ни жаль не особенно задерживаясь проходить мимо многих и многих замечательнейших работ – к трем-четырем живописным произведениям. Вот она, картина картин, таких в мире много не наберешь. В Париже – «Джоконда» Леонардо да Винчи, в Москве – «Троица» Андрея Рублева, в Амстердаме – «Ночной дозор». Бессмертный гений Рембрандта, запечатлевшего суровых амстердамских стрелков под строгим командованием капитана Франса Баннинка Кока, божественно присутствует в каждой подробности единственного и неповторимого группового портрета, по мощи вдохновения и проникновению в тайное тайных человеческой души равного «Илиаде», шекспировским трагедиям, романам Толстого и Достоевского. Знаете, одного человека оставлять наедине с «Ночным дозором» никак нельзя: он там и останется – среди вооруженных мушкетерами стражников, рядом с барабанщиком и знаменосцем, в вечной, высокой и добровольной, подчиненности то ли капитану Коку, то ли властному мистическому обаянию юной девчушки, Бог весть какими путями оказавшейся в центре композиции, а заодно и самой главной загадкой великой картины.

Конечно, наша непроходящая признательность легендарному капитану. Славный командир «Ночного дозора» не только собирал полновесные гульдены для того, чтобы необычный групповой портрет был написан, заплатив больше всех «дозорных» (барабанщик на полотно попал безвозмездно), но и, обратите внимание, через тринадцать лет! упросил ученика Рембрандта Геррита Лунденса написать копию. Эта небольшая живописная работа совершенно справедливо помещается рядом с подлинным «Дозором». Лунденс писал копию, когда картину еще не обрезали с двух сторон, чтобы она поместилась на отведенной стене, и мы получаем истинное представление о композиции картины. Но ко всему прочему, малый «Дозор» – поразительный урок долгого общения, нескончаемого разговора, можно сказать, «допроса с пристрастием» рембрандтовского шедевра, навечно проникшего в нашу душу. Через это вдохновенное повторение-уменьшение «Дозора» происходит наше почти что родственное, сокровенно-сердечное соединение с Рембрандтом. «Слушая Пушкина, – сказал Достоевский, – мы становимся умнее». То же самое можно сказать о главном мастере золотого века нидерландской живописи. Прибавлю: «И наши чувства возвышаются необыкновенно».

Разумеется, кроме «Ночного дозора», кроме автопортретов Рембрандта в ранней юности и поздней старости (Господи, с какой грозной неумолимостью преображает человека Время!), кроме совершенно потрясающего, истинно неповторимого Питера де Хооха, обожавшего сочинять полотна, которые поражают тем, что причудливые световые пятна попадают на полотно из окон, окошек, чердачных люков, дверей, широких и узких, эта поэтическая круговерть световых пятен – и за каждым чудится милая тайна, и картина завораживающе пахнет яблочным пирогом и кофе со сливками. А многофигурный «Зимний пейзаж с забавами на льду» Хендрика Аверкампа (да здесь персонажей и сюжетов столько же, сколько в «Человеческой комедии» Бальзака или «Ругон-Маккарах» Золя).

а «Веселый пьяница» Франса Хальса, а «Пирующее семейство» Яна Стена, а «Ветряная мельница» Якоба ван Рейсдала, а аппетитнейшие, вкуснейшие натюрморты Ван Дейка, Питера Клааса и Виллема Хеда, а... Всё!.. Быстрыми шагами, не глядя по сторонам, прочь из музея. Иначе – только одна строка в «Хронике некриминальных событий»: «Гибель среди шедевров».

А ведь в Амстердаме имеется не только Государственный музей...

ПАБЛО – ГОСТЬ ВИНСЕНТА

Чем ближе подходишь к Музею Ван Гога, тем большее изумление охватывает проезжего любителя изящных (т. е. изобразительных) искусств. Знаете ли вы, что такое именно вот эта конкретная музейная очередь? Нет, вы не знаете: это – на квартал-другой-третий многоязыкое и весьма многолюдное собрание кандидатов в посетители. Они неторопливо, шаг за шагом, с превеликим терпением и предвкушением приближаются к заветному входу, где вместе с билетом вручается буклет, на обложке которого бессмертные («Этот листок, что засох и свалился, Золотом вечным горит в песнопенье») «Подсолнухи» Ван Гога.

Этот прекрасный мастер, у которого при жизни приобрели лишь одну картину («Красные виноградники Арля», ГМИИ им. Пушкина, Москва), ныне из великих великий. В Амстердаме «персональный кров», кроме гениального и несчастного Винсента, имеет только Рембрандт Харменс ван Рейн. Тоже, кстати, не Бог весть какой счастливец: создателя «Ночного дозора», как и Вольфганга Амадея Моцарта, похоронили в безымянной могиле для бедняков.

Нидерланды – лишь начало творческого пути Ван Гога. Дальше – Париж, Арль, Сен-Реми и – «последняя остановка» – Овер-на-Уазе. Не такое это легкое, тем более что и далеко не дешевое, дело – представить живопись и графику Винсента как можно полнее, от первого до последнего взмаха кисти. Создатели музея очень – и не напрасно – старались. Смогли даже показать кроме легендарно-хрестоматийных «Подсолнухов» не менее известных, не менее культовых «Едоков картофеля». Это – последняя картина мастера, написанная в Голландии.

Открывает экспозицию поразительный по воздействию на посетителя «Автопортрет». Сохраняя его в зрительной памяти, и обходишь музей этаж за этажом, пока не попадаешь на выставку «Пикассо в Париже. 1900–1907»). (Как раз сейчас, когда пишутся эти строки, проходит церемония закрытия необычной выставки). Свежесть живописи «Автопортрета» необыкновенна. Кажется, что краски только-только перешли с палитры на холст, они еще дымятся. На нас – или в вечность – смотрит мужественный мученик, призванный творить, скорбный мудрец. Наши чувства много лет назад выразил Арсений Тарковский: «Пусть меня простит Винсент Ван Гог, / За то, что я помочь ему не мог, / За то, что я травы ему под ноги / Не постелил на выжженной дороге».

Что сказать про музейные раритеты? Конечно, Маяковский неспроста писал пости столетие тому назад: «Один сезон наш бог – Ван Гог, другой сезон – Сезанн». О последнем речь впереди (впрочем, музейные залы мы не покинем). Наверное, немало начинающих художников, всерьез посмотревших на полотна и графические листы Винсента (это неизменная авторская подпись Ван Гога в правом нижнем углу любой его работы), навсегда отказались от творческой судьбы, что

всегда «на разрыв аорты». Всеми нервами, всей кожей чувствуешь, какой ценой оплачены эти грозные в своей художественной крупности шедевры. И неизбывная как бы извечная терпкая горечь, когда затаенная, когда опаляющая – поневоле отодвигаешься подальше от музейного холста.

Немало места отдано в музее современникам нашего страдальца Винсента. Здесь и Тулуз-Лотрек, и тот же Сезанн, и, конечно же, единственный друг среди сотоварищей по искусству живописи Гоген, и еще многие-многие, чьи произведения блестяще и весьма нехрестоматийно (сколько же можно напоминать, что вся Голландия – это бережно хранимый домашний альбом!) воссоздают эпоху конца позапрошлого – начала прошлого века. Они очень сюжетны и захватывают исключительной наблюдательностью и несомненной любовно-снисходительной дерзостью в передаче человеческих характеров. И почему же здесь почти не пробиться сквозь густую толпу-толпищу (все кандидаты в посетители уже здесь, вот они!) к почти что репортажным наброскам Дега, Моне Клода и Мане Эдуарда, к прекрасным в своей цветной созерцательности, аристократически изысканной замкнутости этюдам Сёра и Сислея? Да потому, дорогие друзья, что амстердамская повседневная жизнь, пусть спустя сто лет, пусть севернее Парижа, сильно похожа на то, что с наслаждением запечатлевали мастера той эпохи. Вплоть до Пикассо...

На пороге персональной выставки – портрет старого мастера. На фотографии поздних лет Пикассо здорово напоминает Эйнштейна. За этим снимком череда других, числом двенадцать, от года к году, в обратном порядке, пока эта документальная галерея не завершается фотографией 19-летнего юноши. И мы как бы вместе с дерзновенным покорителем столицы мировой живописи этап за этапом одолеваем судьбоносное парижское семилетие, осознаем свое неповторимое предназначение.

В натюрмортах раннего (и зачем ему в дальнейшем понадобились безжизненные геометрические изломанности кубизма?) Пикассо, в обнаженной натуре (такая одухотворенная, антично-олимпийская эротика не под силу средним талантам), наконец, в многочисленных цирковых или ресторанных сценках, конечно, весомо присутствуют все старшие современники великого Пабло от Густава Курбе до Огюста Ренуара. Однако огромное дарование замечательного рисовальщика, с его стопроцентно импрессионистической тягой к ярчайшим краскам бытия, с его возвышенным преклонением перед старыми мастерами всё прежде увиденное и восхитившее до глубины души переплავило в редкой красоте шедевры. Они и по сей день исполнены загадочно необъяснимого до конца, как и положено шедеврам, огромного и пламенного очарования.

Итак, пришла пора прощаться с очередной сокровищницей. И на то, чтобы разобраться по порядку в сверкающем вихре захватывающих впечатлений, понятное дело, понадобится немало времени. А нам самое время выбраться под открытое небо...

ИГРАЕМ В ГОЛЛАНДИЮ

Пусть читатель извинит мне постоянные напоминания, что лишь малая, очень малая часть увиденного и запомнившегося попадает на страницы путевых очерков. Нынче, к сожалению, не времена «Писем русского путешественника»

Карамзина или «Владимирских поселков» Солоухина. А как хочется рассказать, скажем, о прирожденной любви голландцев к частной жизни, подальше от сражений, от событий вселенского размаха. К примеру, невероятное по изобилию собрание орденов и медалей в Королевском дворце смотрится как увлечение пытливого коллекционера. Или круговая (120 на 14 метров) «Панорама Месдака» в Гааге изображает не грандиозную битву, а по-житейски притягательный, хорошо обжитый обыкновеннейший берег Северного моря в конце позапрошлого века с рыбацкими лодками, с забытым на прибрежном песке кувшином (такой же в руках вермееровской «Молочницы»), с приземистыми строениями для коптильного производства, с милыми симпатичными лошадками; люди тоже не забыты. Неспроста эта панорама обошлась без искусственного освещения: «Темным зимним днем здесь все серо. А при ярком солнечном свете Панорама – волшебство и чудо».

Про уличные впечатления в Амстердаме вообще особый разговор.

А какой великий урок любви к родной стране, к сердечно обожаемой Голландии – необыкновенный Мадуродам, где на небольшом пространстве в замечательно продуманном порядке старательно собраны архитектурные создания многих нидерландских городов: ратуши и соборы, вокзалы и аэропорты, театры и концертные залы, заводские и фабричные здания, вплоть до здания парламента в Гааге, Национального рынка сыров в Алькмааре и неповторимых амстердамских каналов. Разумеется, и знаменитые ветряные мельницы тут же. Маяки, семафоры, светофоры... Помните потрясающие кукольные домики в Государственном музее, ювелирную тщательность всего того, что там есть – от обеденного стола до посуды в кухонном шкафу? Вот они-то и вдохновляли творцов «миниатюрной (в масштабе 1:25) Голландии)». По всему Мадуродаму причудливо проложены рельсовые дороги, по которым то и дело пробегают крошечные электрические экспрессы (шестнадцать тысяч километров в год), а по столь же игрушечному морю двигаются соответствующего размера океанские лайнеры (правда, настоящие чайки – габаритов вполне нормальных, что, разумеется, много восторгов прибавляет малолетним посетителям Мадуродама), детально представлены технико-инженерные свершения голландских специалистов. Авиационные двигатели ревут, из концертного зала доносится и музыка Моцарта, и шумные аплодисменты, а шикарные «бентли» и «линкольны» размером в половину спичечного коробка дожидаются владельцев... Вот они, ростом с мизинец мальчика-с-пальчика, возвращаются с музыкального вечера... А вот они уже заняли места в любимом кафе. Для контраста на окраине миниатюрного города-государства столь же культовый, как и голландские тюльпаны, деревянный башмак-кломп как бы с ноги Гулливера.

И, кстати, это, не знаю, какое по счету, но точно, что чудо света, аттестованное хозяевами, как самый известный туристский аттракцион в Нидерландах, названо по имени солдата Джорджа Мадуро с острова Кюрасао. Отважный воин освобождал оккупированную Голландию во время Второй мировой войны. Амстердам, Роттердам, вот теперь, последние шестьдесят лет на карте можно найти и Мадуродам. Напомню, что среди партнеров «Нидерландов в миниатюре» – «Heineken». А среди посетителей больше всего, естественно, лиц, не достигших 16-ти лет.

Однако мы что-то задержались в Мадуродаме. Понятно, что от такого увлека- тельнейшего изобилия, от уникальной «малой Голландии» оторваться не так-то просто, но вы даже не подозреваете, что нам готовит грядущий Кёкинхоф.

ПРАЗДНИК ЦВЕТНОЙ И АРОМАТНЫЙ

И – очень музыкальный. Экскурсионный автобус только-только обосновался вблизи широко распахнутых ворот Кёкинхофа – «самого красивого весеннего парка в мире», а невидимая шарманка-оркестрион уже безостановочно и благо- звучно гремит на всю округу, сокрушая вселенскую печаль и весело расправляясь с «мыслями черными». И – шампанского не обязательно. Звучат, сменяя друг друга, любимые до радостного сердцебиения мелодии Европы: вальсы, марши, польки, танго. Ну просто полная фонограмма танцевально-сюжетного, без еди- ного слова, фильма «Бал».

Сам же Кёкинхоф – царство-государство цветов всевозможных – до радостного головокружения – форм и расцветок. Луковичных цветов, к слову сказать. Нарцис- сы, гладиолусы, лилии, фритиллории, крокусы, гиацинты, анемоны, хризантемы, эремурусы и далее – по самому подробному каталогу. Есть даже цветок, называю- щийся «пушкиния». Про тюльпаны и говорить нечего. Где еще в мире есть просто музей тюльпанов и – отдельно – музей черных тюльпанов. Одним словом, сплошное роскошество, источник высокого вдохновения и богатого воображения для живо- писцев, поэтов, модельеров. Что говорить про младшее поколение!.. Школьники – индивидуально и коллективно, но неизменно с максимальным комфортом – в Кёкинхофе – грандиозной территории юных художников, повсюду. С малолетства голландские ребята, особенно из близлежащей столицы, с блистательной красотой мира на «ты». Рисунки, картинки, эскизы, а потом и тематические экспозиции, воз- никают в огромном количестве. А нынешней весной: апрель и май – подлинный кёкинхофский сезон – парк подарил малышам игровую площадку вместе с кроль- чонком Нейнтъе, он же – Миффи. Это тем, кто «от двух до пяти». Для остальных, от пяти и без ограничений по возрасту – генеральная тема Кёкинхофа-2011»: «Германия – страна поэтов и философов» (Тема прошлого года – Россия). Великим немцам – Лютеру, Гегелю и Марксу, Шиллеру, Гёте и Гейне, братьям Grimm, Томасу Манну и Бертольду Брехту, Баху, Бетховену и Малеру – посвящено здесь и сейчас немало: выставки, представления, скульптурные произведения.

Вообще же событий культурного плана в Кёкинхофе хоть отбавляй: фести- вали классической музыки и традиционного голландского костюма, вокальные конкурсы, летние луковичные уикенды, цветочные парады, в частности, один из которых посвящен, конечно же, автору «Подсолнухов» – нашему любимому Винсенту Ван Гогу. Надо прибавить, что Кёкинхоф находится под патронажем венценосной семьи: в прежние времена королей Вильгельмины и Юлианы; сейчас во главе Нидерландского королевского дома более тридцати лет – Ее величество королева Беатрикс. Кстати, Мадуродам также под королевским постоянным и заботливым присмотром. А как же иначе: объясняется все просто – и «малая Голландия», и великое царство цветов – огромного интеллектуально-художествен- ного наполнения детско-юношеские «университеты». Поневоле вспоминаешь два замечательных лозунга: «Все лучшее – детям» и «Учиться, учиться и учиться».

А для нас пришел час возвращения в Амстердам.

В РЕЖИМЕ NON-STOP

Как ни готовь себя к тому, что есть в действительности прекрасный голландский город Амстердам, все равно от рассвета до заката тебе, пришельцу из далекого Казахстана, предстоит пребывать в обстановке чудесной неизвестности и радостного изумления. Казалось, шире распахнуть глаза невозможно, кажется, что всё: впечатлений набралось столько, что не один караван на Великом Шелковом пути понадобится, чтобы перевезти эти многие наблюдения и размышления на родину. Но остановиться невозможно...

Итак, вкратце, на бегу, мимолетно.

На амстердамских улицах можно подумать, что почти всё голландское народонаселение, включая жителей близлежащих Бельгии, Франции и Германии, безостановочно крутит педали. Мужчины в строгих деловых костюмах и запачканных красками рабочих комбинезонах, словно это палитра все того же Винсента, женщины с хозяйственными сумками или младенцами (вариант: собачками) в дорожных корзинах, «вольнопределяющиеся» юноши с косичками, заплетенными по самой последней моде, только что вошедшей в обиход племени из дальней-предальной африканской глубинки, наконец, ослепительно-телесные девицы, максимально экономно построившие свой весенне-летний наряд, по сравнению с которым «новое платье короля» – целый магазин тканей. Бесконечная вереница лиц, повадок, национальностей, характеров, восклицаний... Поистине, велосипеду все возрасты покорны. И каждый персонаж мужского или женского пола – «на особицу», каждого стараешься запомнить. И он того достоин, от такой натуры не отказались бы ни великие, ни «малые» мастера. Понимаешь, что с исчезновением через секунду-другую очередного велосипедиста ты навсегда теряешь что-то очень важное, необходимое, потому и смотришь широко распахнутыми глазами. Честное слово, прямо по Андрею Платонову: «Без меня народ неполный». А без этого велосипедного народа и ты, дорогой друг из страны гор и степей – очень неполный.

Эти не требующие горячего «легкие на подъем» машины – повсюду. Где только есть что-нибудь, куда можно пристроить цепь с замком, мгновенно выстраиваются велосипедные стада. Но если нет поблизости ни перил, ни ограды, ни какой-нибудь «коновязи», просто бросают данный личный транспорт прямо на мостовую (Что? На газон? На какой-такой газон? Вон он идет, полицейский. Быстро готовьте нужную сумму в евро, чтобы заплатить штраф), окольцовывают сторожевой цепью с замком, который можно отпереть гвоздиком, и убегают по делам. А мне-то казалось, что велосипедная столица – Кембридж. Как я ошибся...

А самая восхитительная вещь амстердамского «разлива» – каналы. Как они хороши в любую погоду, в любом ракурсе! Игра теней и света, отражения старинных, стройных, как премьер-танцовщик, домов и нависающих над водой мостовых пролетов, покрывало из тополевой «кашки», постоянно и колеблемое волнами, немалочисленные лодки, опять-таки покоряющие человеческой многоликостью, а также той самой улыбчивой открытостью, замечательной «распахнутостью» тебе навстречу, которая так и сверкает, так и искрится на улицах Амстердама, стоит вам только, сидя на стуле в кафе или на скамейке прогулочного катера, улыбнуться. А если вы еще и рот откроете (лучше всего на английском языке – здесь по-английски объяснится любой), то вы в первую минуту – хороший знакомый, во вторую – добрый приятель, а дальше – старинный верный друг. И, выслушав твой

восторженный рассказ о «Ночном дозоре» (Рембрандта, не спутайте, пожалуйста, именно Рембрандта), тотчас заметят, что лучше всего великий Харменс ван Рейн представлен в Москве и Петербурге. И даже покажут записанного в Эрмитаже на мобильный «Блудного сына».

Точная примета симпатичной голландской открытости и доброжелательности – многочисленные велосипедные прогулки по Амстердаму в режиме «сидись-вставай». Едешь по одному из городских маршрутов, что-то понравилось останавливаешься, осмотришься, потом тебя подхватит следующая партия велосипедистов, любознательно обзирающих Амстердам. То же самое касается поездок вот в таком «свободном режиме» по каналам. А нет желания наслаждаться водно-городской действительностью в коллективе, с осведомленным речистым гидом, никаких проблем: арендуешь велосипед или лодку, и катайся вволю. Только своевременно верни транспортное средство.

Что касается вышеупомянутой «кашки», то такой пушистой весны не помнят и амстердамские старожилы: весь город всевышней волею небес захвачен-завоеван грандиозной тополиной метелью. Вороха летучих древесных пепельно-сизых семян засыпали всё, что можно, от домов до автомобилей, словно снежным пухом. На площадях озорники ныряют в эти полуметровые пуховые груды, осыпают ими друг друга, счастливо барахтаются и катаются, словно русские деревенские мальчишки в первоснежных завалах.

«СИЯНИЕ И СЛАВА»

Кто бы мог подумать, что Эрмитаж есть и в Амстердаме!.. Это музейное учреждение – филиал Эрмитажа петербургского. Здесь, в существенном отдалении от российской северной столицы, настоящий культ Санкт-Петербурга и всего русского: шедевры полиграфического искусства – альбомы с архитектурными памятниками и старинными гравюрами, путеводители, изумительной красоты сувенирные наборы. Здесь, в амстердамском «Русском доме», читаются лекции о русской истории и литературе, музыке и живописи, демонстрируются фильмы, работают сменные выставки из музеев России, проходят еженедельные литургические концерты, тематические семинары, круглые столы и встречи с гостями из России и русскими людьми из других стран, изучается русский язык. И музейный ресторан, как вы, конечно, догадались, носит замечательное название – «Нева».

И какой великолепный подарок судьбы – небольшая, но какой высшей одухотворенности выставка «Сияние и слава. Православное русское искусство». На выставке собрано более трехсот икон, скульптур, богослужебных книг и предметов из государственных и частных коллекций. Здесь сильнее всего затрагивают именно иконы. Тихая, отстраненная от всего земного ясность и великое спокойствие традиционных сюжетных композиций: богоматерь с младенцем, евангельские сцены. Каждая икона как бы существует отдельно, вне экспозиции, в одно мгновение словно возникает некая невидимая ограда, начинается не слышный никому встречный исповедальный разговор. Непостижимая власть гениального мастера церковной живописи нежно, печально и неотвратимо впечатывает в твое сознание высшие духовные истины. Такова работа Симона Ушакова «Положение во гроб». Это поразительный по бережной силе воздействия иконописный реквием, погребальное песнопение в красках, исполненное, действительно, светлой грусти, великим небесным спокойствием.

Крепко запомнились сокровенностью истинно религиозного чувства и две деревянные скульптуры. Одна – «Святитель Николай» изображает сурового, непреклонного в многотрудном духовном подвиге наставника, праведника и защитника сырых и обиженных, униженных и оскорбленных, смотришь на могучую, по-крестьянски прочную фигуру святителя и набираешься бодрости, веры в то, что будут преодолены все земные невзгоды и несчастья. А «Христос в узилище» – Спаситель в предчувствии крестных мук, сгорбленный, с огромной колодкой – вовсе не столь жизнерадостен. Однако призывает не к унынию, не к подчинению земному злу, а к тому, чтобы всегда оставаться верным добрым началам, чувствовать себя свободным и совершать в согласии с высшей волей посильное духовное служение.

Покидая выставку «Сияние и слава», непременно чувствуешь просветление и возвращаешься к тому, может быть, временно забытому, но необходимому в твоей земной жизни.

МУЗЕЙНЫЙ ЭПИЛОГ-СЮРПРИЗ

Вот и подошло к концу путешествие, до отказа наполненное впечатлениями. Они сейчас, пока осуществляются аэропортовские формальности, вспоминаются то какими-то слепящими вспышками-взрывами, как изготовление традиционных башмаков-кломпов или приготовление сыра, то плавной панорамой сада с фонтаном (прямо-таки чистый Петергоф) и леса, невероятно густого, где огромные деревья – как готические колонны. А кругом – разноязыкая толпа пассажиров, где в конце концов счастливо обретаешь соотечественников, чемоданы, кофры, тележки, крупногабаритные сумки, в которые, наверное, можно упрятать целый самолет.

И – приятно изумившая неожиданность. Прощальный амстердамский привет: маленькая выставка из фондов Государственного музея, с которого и начиналось великолепное знакомство с Нидерландами. Невероятной красоты натюрморты – пиршество красок и предметов житейского обихода, каждый из которых – свидетельство жизнерадостности, увлекательные бытовые сценки, исполненные живописцами острой, дружески-ироничной наблюдательности, и большое фарфорово-фаянсовое панно «Рыбацкий флот Роттердама». И, как положено, книга отзывов, все страницы заполнены, свободной – нет; записи – русская кириллица, японские иероглифы, арабская вязь, прямоугольные письма на иврите...

Это на втором этаже аэропортового отсека – филиала Государственного музея. (Мини-версия главной художественной сокровищницы Нидерландов в аэропорту! Невиданное дело. Это – круто!) А на первом этаже – музейный магазин, точно такой же, как и в Амстердаме: открытки, репродукции, скульптуры, монографии, сувенирные сумки, рубашки, свитера, чашки-кружки, брелоки...

Прощаясь с Голландией, привлекающей многим-многим, но прежде всего – исполненной спокойного достоинства и душевной отваги любовью каждого голландского гражданина к родной стране, а также добрым желанием приобщить тебя ко всему прекрасному, что здесь собрано за столетия в празднично-поэтическом изобилии – испытываешь веселую и уверенную надежду на новую, не менее чудесную встречу.

ТУМАННОЕ ОЧАРОВАНИЕ ЛОНДОНА

Признаюсь сразу и откровенно: в привлекательном заголовке – по вине автора – две неточности. Эпитет не совсем неточный: тумана было намного больше на лондонских полотнах пейзажиста-импрессиониста Клода Моне в Национальной галерее. И рассказ, кстати, пойдет не только о Лондоне. Что поделаешь, заголовок возник – и очень понравился автору – задолго до того, как я протянул свой паспорт настороженно-доброжелательной британской девушке из службы паспортного контроля в лондонском аэропорту Хитроу. Зато вот со словами «очарование Лондона» попадание стопроцентное. Но – не станем спешить: мы только на пороге Англии. Обмен наилюбезнейшими улыбками длился, и продолжался он довольно долго: живые «пальчики» недавнего пассажира рейса «Алматы – Лондон» (через Амстердам) авиакомпании KLM ну никак не совпадали с компьютерными. А над каждым паспортно-служебным окошком было прикреплено объявление крупным черным шрифтом на английском и русском языках, предлагавшее всем, кто располагает какими-нибудь сведениями, включая фотографии в мобильных телефонах, о взрыве в московском аэропорту «Домодедово», немедленно эти самые сведения сообщить. Однако в конце концов юная английская леди поверила в хорошие, то есть неопасные для королевства намерения казахстанского журналиста, и многодневное путешествие по городам и весям «туманного Альбиона» началось...

И что всего труднее для человека пишущего, который «из дальних странствий возвратясь», как вы думаете? Совершенно верно, вы не ошиблись – всё время помнить: «Короче, короче, еще короче!», поглядывая на нижнюю «контрольную полосу» монитора – сколько строчек успело набежать и ужасаться, как они быстро набегают. И родилось у вашего корреспондента предложение, о котором чуть позже, родилось в самой что ни есть великой и прекрасной Национальной галерее.

Как ни жаль – а как хотелось бы рассказать об улицах и площадях, храмах и памятниках! – но наш путь сейчас пролегает сквозь бесконечности галерейных залов. Таковых в Национальной галерее более полусотни. Какие здесь собраны потрясающие сокровища, и все они, что попадают в поле твоего зрения, вместе и по отдельности, как бы говорят: «Ты понимаешь, любознательный посетитель, какое счастье подарила тебе судьба! И не забудь поделиться с другими этим редким счастьем!»

При входе в музейный храм можно получить в говорящие попутчики механического экскурсовода, хоть на английском, хоть на японском языке. Имеются аудиогиды и на русском. Вооружись наушниками и – вперед! Но опека, даже такая доброжелательно-грамотная, – все-таки помеха в прямом и сокровенном общении с произведением искусства. Вполне достаточно бросить взгляд на скромный белый прямоугольник с названием картины, а порой обойтись и без него.

Вот они, великие художники Европы!.. Пьеро делла Франческо, Боттичелли, Леонардо да Винчи, Тициан, Микеланджело, Караваджо, Гольбейн, Рембрандт, Веласкес, Вермеер, импрессионисты... Полотна на библейские – ветхозаветные и евангельские – сюжеты (в невероятном количестве), многочисленные портреты, подробнейшие натюрморты и пейзажи, чудесной подлинности повседневные

сценки. Причем твое невольное-желанное приближение к характеру кого бы то ни было, к изображенной ситуации – просто обжигающее. Застываешь во вдохновенном потрясении, вбираешь всё – от рамки до рамки – сразу, а после подробность присоединяешь к подробности и, кажется, можешь часами рассказывать об увиденном, как о том, что пережито в действительности. Скажем, о «Девушке перед клавесином» Вермеера или об «Ужине в Эммаусе» (это очень трогательный, печально-уютный евангельский сюжет: Христос после воскресения) Караваджо. Можешь состязаться с выдающимися прозаиками – мастерами изображения душевной жизни – хоть Достоевским, хоть Томасом Манном, когда преклоняешься перед запредельной гениальностью Рембрандта («Автопортрет»), или Ван Эйком (благороднейшая «Чета Арнольфини»).

А если встречаешься с произведениями, ранее знакомыми по репродукциям или виденными воочию, как, к примеру, величественные, бессмертные «Подсолнухи» Ван Гога (на прошлогодней – здесь же, в Лондоне, – выставке «Ван Гог, художник и писатель» в Королевской Академии художеств)... так вообще временно теряешь дар речи в процессе благословенного преображения твоей собственной души.

Да, чуть не забыл. Спервоначально, действительно, имеет место быть великое смешение всех красок и линий, сюжетов и лиц, однако человеку, понимающему, что в кои-то веки еще он попадет сюда вновь, остается терпеливо шагать и шагать, восхищаться, восторгаться и запоминать, запоминать свое чувство живого приобщения к замечательному произведению искусства. И терпение вознаграждается: зоркость и приметливость не ослабевают. Успеваешь даже составить из увиденного свое персональное, лично тебе дорогое собрание. Мое? Пожалуйста, так называемые «малые голландцы», крепкие «бытовики» и блистательные мастера натюрморта и ландшафтной живописи. Очень, очень хороши дальние предшественники наших родных, не менее замечательных передвижников и пейзажистов от Перова и Федотова до Саврасова и Левитана.

...На часах 5:55 пополудни (только в пятницу Национальная галерея открыта с 10 утра до 9 вечера, а ныне день обычный – двери музея закроются ровно в 6 часов), и все потянулись к выходу. Ах, как жаль, что недавно вошедшая в обычай «Ночь в музее» не сегодня!.. Вот как раз сейчас и можно рассказать о моем предложении, возникшем именно в Национальной галерее: доверить искусственным искусствоведам, обладающим изящным слогом (в качестве примера – «Образы Италии» Павла Муратова), сочинение увлекательного эпоса XXI века – «1001 ночь... в музее». А пока, до отказа нагруженный впечатлениями и эмоциями, брожу по невероятно шумной, переполненной лондонцами и гостями британской столицы Трафальгарской площади с памятником адмиралу Нельсону, с бронзовыми львами и огромной пластмассовой бутылкой, в которой терпением и вдохновением умельца заключена модель английского корабля, на палубе которого был смертельно ранен великий флотоводец. Брожу, держа в руках врученный мне на прощание в Национальной галерее мини-путеводитель, красочный маршрутный лист. Называется он – «Музейная миля».

Старательно – пока метропоезд мчитя от станции «Рассел-сквер» до станции «Тауэр-хилл», пока возвращаюсь в гостиницу – изучаю, что же предлагает этот краткий путеводитель по тринадцати соблазнительным объектам. Так, всё ясно: завтра – в Британский музей. Вот только бы набраться сил для новой, конечно, огромно-неподъемной порции новых впечатлений.

ВЕЛИКИЙ МУЗЕЙНЫЙ ПУТЬ

Британский музей – неповторимая коллекция сокровищ, собрание редчайшее, способное поразить и потрясти навсегда. Да и как не плениться всесветными мраморными, бронзовыми и прочими многотысячными чудесными вещами, когда в этом музейном пространстве соединились греческая и римская античность, Древний Египет, Месопотамия, ацтеки, европейское средневековье, Япония, Ближний Восток... Бронзовый бюст императора Августа, мумии, найденные при раскопках в пустыне на севере Африки, англо-саксонский рыцарский шлем, бронзовая египетская кошка, крылатый ассирийский бык из дворца Саргона II, апокалиптическая гравюра Дюрера «Носорог»... «Великий, или Тихий» океан предметов... Одна только коллекция монет и медалей – 750 тысяч предметов!..

Самое сильное впечатление, несмотря на то что в поле зрения оказываются тысячи и тысячи замечательнейших экспонатов, к счастью, уцелевших сквозь столетия и тысячелетия, – разноразмерные обломки, фрагменты. В особенности из Парфенона, всемирно известного афинского храма, и его окрестностей. И не только, разумеется, оттуда. Какой простор для работы сочувственно-трепетного воображения! Неспроста именно Британский музей, его скульптуры, независимо от целостности-сохранности, облюбовали художники, всё больше начинающие. Вот студентка расположилась напротив парфенонского фриза, старательно зарисовывает, попутно фантазируя, пытаясь восполнить на бумаге недостающие части древнегреческих атлетических тел. Немолодые любители собрались с планшетами вокруг наставника, в добром содружестве, помогая очарованным красотой сотоварищам, запечатлевают головы, торсы, скульптурные группы...

Могу лично засвидетельствовать, что тем-то и хороши Национальная галерея, Британский музей, музеи Виктории-Альберта и Фицвильямса (Кембридж), кстати, все они открыты для свободного посещения, что в Национальной галерее – проходят чудесные уроки для школьников, в музее Виктории-Альберта – можно любоваться работами искусных мастеров по металлу и стеклу или уникальными выставками, скажем, «Дягилев и золотой век русского балета» или «Парадные костюмы китайских императоров», а то и бережно брать в руки раритеты Национальной библиотеки по искусству. А Кембриджское музейное собрание в центре студенческой столицы обладает некой домашностью, скромной, спокойной и деликатной.

Но мы что-то задержались среди картин, скульптур, гравюр, грандиозных массивов тысяч и тысяч предметов, повествующих о созданиях цивилизации чуть ли не от сотворения мира...

ОТ ДОМА ДИККЕНСА К ПУШКИНСКОМУ ДОМУ

Нелли Морозова (в повести «Мое пристрастие к Диккенсу»), напомнив, что Солженицын назвал английского романиста первым среди зарубежных мастеров слова, кто оказал на него самое большое влияние, замечает: «Советским детям, лишенным заповедей, Диккенс давал точные нравственные ориентиры. Из антизаповедного мрака он уводил к теплу и свету. Справедливости ради англичанам следовало бы узнать, как духовное сиротство русских детей было согрето нравственной опекой их великого соотечественника».

Музей «Дом Чарльза Диккенса» входит в состав «Музейной мили» наравне с перворазрядными Британским музеем и Британской библиотекой. Эта небольшая – всего-навсего три этажа с крохотным подвальчиком – квартирка уютна необычайно. Поистине «Приют спокойствия, трудов и вдохновения». Именно здесь писатель работал над романами «Барнаби Радж» и «Николас Никльби», заканчивал «Записки Пиквикского клуба». И почти все главы «Приключений Оливера Твиста» созданы именно здесь. Мы найдем в музейных комнатах всё, что полагается по мемориальному канону: письменный стол и перо, шкафы с книгами, изображения журналистского житья-бытья тех времен (романы-то литературно одаренного фельетониста печатались в газетных выпусках), каминные экраны, обстановку обеденного зала и спальни. В подвальчике, преобразованном в мини-атюрный зрительный зал, non-stop показывают обстоятельный биографический фильм о давнем хозяине дома.

Приметы эпохи и профессии Диккенса, можно сказать, имеются в достаточной наличности. И вот мы, наконец, в верхней комнате дома. Это – музей в музее. Здесь всё об Оливере Твисте – картины непарадного Лондона, герои романа от милой Нелли (она и ее мучитель Билл предстают также «живьем») до старика Фейджина, коллекция карманных часов, кошельков и драгоценностей – добыча малолетней воровской компании, сцены из спектаклей, из культового мюзикла. Афиши, живописные портреты, фотографии. Кстати, невероятно многолюдная проза Диккенса английскими мастерами книжной иллюстрации «отработана» по полной программе. На несколько просторнейших залов Национальной галереи хватит вполне.

Разумеется, по-особенному впечатлил и Дом Джона Китса (на окраине Лондона), генерального романтика, сотоварища Байрона и Шелли, поэта нежной печали и неземной любви, «Яркой звезде» (так называется самое известное стихотворение Китса и недавний популярный фильм о нем) английской поэзии, собрата по возвышенному вдохновению пушкинского Владимира Ленского («Его душа была согрета приветом друга, лаской дев»); и любовно подобранные издания, посвященные Джеффри Чосеру, автору «Кентерберийских рассказов», в сувенирном магазине при одноименном соборе; и «Шекспировский книжный магазин» на родине великого барда, в Стратфорде, но житейски непрезентабельная, скромнее скромного, обитель Чарльза Диккенса оказалась наиболее сердечно близка и памятна. Словно навестил близкого-близкого старшего родственника, доброго и мудрого друга.

Лондонский центр русской культуры «Пушкинский Дом», хоть и не вошел в перечень тринадцати объектов «Музейной мили», территориально пребывает в той же части пространства британской столицы.

Помещение также, как и Дом Диккенса, трехэтажное, по две-три комнаты на этаже: на втором и третьем – расположились классы, на первом – небольшая библиотека; книги – и превосходные, вроде трехтомника Дмитрия Лихачева или громадного альбома «Женщины России в фотографиях конца XIX-го – начала XX-го века», – есть и в классных комнатах. И если нет обычных занятий по русскому языку или намеченных мероприятий, можешь оставаться за учебным столом или в кожаном кресле (это в библиотеке) с выбранной книгой хоть сутки напролет, точно так же, как в Национальной библиотеке по искусству или Британской библиотеке.

А мероприятия в Пушкинском доме таковы: для примера открываем февральскую программу. Фильмы «Мимино» и «Здравствуйте, я – ваша тетя», чтение «Письма матери» из романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», лекции: «Ордена и награды Российской империи от Петра Великого до Николая II», «Русскоязычные газеты и журналы, выходившие с 1941-го по 1945-й годы на территориях, оккупированных нацистами», «Радикальная русская молодежь». Из цикла «Подпольная Россия: искусство, политика, стиль жизни», семинар по англо-русскому культурному обмену, вечера русской музыки: Чайковский, Скрябин, Рахманинов.

В Пушкинском доме проходят небольшие художественные выставки, в классах – прекрасные крупноразмерные портреты Пушкина, Гоголя, Достоевского, Льва Толстого, в библиотеке – несколько бюстов Александра Сергеевича, а также – гротескная, притом серьезного философского смысла, небольшая скульптурная композиция – непривычный и всё же узнаваемый Антон Павлович Чехов в полный рост. Здесь – в лондонском Пушкинском доме, как и в одноименном петербургском – обстановка чудесной просветленности, истинной сосредоточенности, искренней высокой любви к русской культуре, литературе, русскому языку.

ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

Давно известно, что накануне дальней поездки неплохо бы посоветоваться с людьми многоопытными. Паустовский, к примеру, рекомендовал как можно больше знать о тех местах, куда лежит твой путь. Еще один урок классика: не поддаваться пламенному инстинктивному желанию набирать впечатления с жадной неразборчивостью, не впасть в безоглядную безостановочную беготню по музеям, улицам, площадям, соборам, прочим многочисленным памятным местам: «Путешествие не сводится к поглощению пространства».

Действительно, рассматривая полотна и скульптуры с сюжетами из Священного Писания старых европейских мастеров в колоссальных собраниях Национальной галереи и Британского музея, или в камерной, как бы случайной подборке в Лидском замке, в небольших храмах при оксфордских колледжах, осознаешь, в какую благодать тебе знакомые страницы евангельского повествования, соответствующие главы «Мастера и Маргариты» Булгакова. А по Британскому музею, где ты окружен древними цивилизациями, полезнее всего передвигаться с четырехтомным «Иосифом и его братьями» Томаса Манна, а также историческими романами Фейхтвангера, к примеру, «Лже-Нероном». И тот, кто заранее прочтет «Греческую цивилизацию» Андре Боннара и «Образы Италии» Павла Муратова, о которых уже шла речь, останется очень доволен своей предварительной подкованностью.

Но что касается второго серьезного урока, обстоятельства не оставили иного выбора, как эти самые впечатления именно набирать, прилежно и неотступно. И сейчас, отделившись на тысячи километров, по прошествии некоторого времени, понимаешь, что иначе не было бы необходимого и цельного чувства сопричастности ко всему увиденному, даже замеченному вскользь, мимоходом. А подробности... На наше счастье, мы сейчас не в середине прошлого века. В твоём распоряжении Интернет, и, кстати, можешь неторопливо и вдумчиво просматривать сотни кадров в своем фотоаппарате.

...И вспоминается многое, очень многое: старательная и добросовестная память предлагает всё новые и новые подробности.

...Застывший на четверть часа в тревожной неподвижности вагон метро; из динамика внезапно прозвучало объявление, что по ходу движения поезда неожиданная задержка. Перестали шелестеть страницы наскоро просматриваемых утренних газет, пассажиры замерли бессловесно: счет – под землей – пошел на мгновения. Когда вагон дрогнул и двинулся, все не сразу пришли в чувство.

...Кембридж – «королевство» студентов и велосипедов. Последние заполнили всё и вся: то здесь, то там прикрепленные замками к невероятно длинным стальным брускам, у входа в церкви и колледжи, в шоколадные и обувные магазины. Кстати, два слова о колледжах. В одном учился Оливер Кромвель, в другом – Чарльз Дарвин, а вот в этом знаменитая на весь мир лаборатория великого физика Резерфорда. За тяжеловесную поступь дерзко-веселые ученики наделили наставника прозвищем «Крокодил». Вот, посмотрите на стену этой самой лаборатории. Чье здесь изображение?..

...Оксфорд – постоянный спортивный соперник Кембриджа. Это вечная интрига – кто возьмет верх. В огромнейшем книжном магазине, способном на всю жизнь лишить каждого книголюба спокойствия, томище на тысячу страниц «От Российской империи до СССР. 1913–1923» и аккуратный небольшой альбом с фотографиями тех самых, переживших судьбу государства, лет. Но последний снимок здесь «из раннего времени» – гимназист Володя Ульянов, весьма симпатичный юноша.

...Поверьте, лишь в пространных, не терпящих спешки разговорах, в многократном возвращении к пережитому и высказанному возможно «с чувством, толком, расстановкой» передать, что запомнилось, что понравилось. А пришлось по душе и осталось в памяти многое. Мастера в соборе одного из оксфордских колледжей под медитативную органную мелодию собирают витражное окно, преподаватель в поезде на Кембридж с прилежанием честного школьника выстукивает на ноутбуке статью о скульптурах острова Пасхи, уличный циркач на главной улице шекспировского Стратфорда очень ловко жонглирует цветными булавами. На берегу Ламанша – англичане называют его «Канал» – колоссальная россыпь самых красивых морских камешков на свете. И что говорить про легендарные меловые скалы Дувра! Они еще в пушкинские времена воспеты. Из озера около Лидского замка, окруженного неслыханной красоты классическими англо-деревенскими пейзажами, а в самом замке, пожалуй, самая обстоятельная коллекция изображений британских пернатых, поспешно выбирается, ну, понятное дело, один живой экспонат означенной коллекции – черный, как отработавший полную смену трубочист, лебедь. Дерзко-требовательный до невозможности: нахально и крепко хватает экскурсантов за полы пиджаков, курток и плащей. И очень сердится, что угощения маловато. А еще обелиск, обозначающий Гринвичский – нулевой – меридиан; прозрачные на все стороны капсулы гигантского обзорного колеса – «Лондонского глаза» (ночные огни британской столицы, это – нечто!); парад Королевской конной гвардии, обширная коллекция – в Тауэре – корон английских монархов, уникальный психолого-гастрономический аттракцион – ресторанный ужин в непроглядном мраке (вы пробовали вслепую налить вино в бокал или воспользоваться ножом и вилкой?)... «Тысяча впечатлений, тысяча впечатлений!...»

И – напоследок – именно о доброжелательности. Она везде и повсюду. Она – в неподдельном, естественном спокойствии лондонцев где угодно, хоть в магазинной толчее, хоть на деловых встречах; само собой, в остроумных комментариях экскурсоводов; в том, что на каждой станции метро к вашим услугам не только карта столичной подземки, но и план прилегающих к данной станции окрестностей. Бесплатно, конечно, как и непрременный – здесь же, при выходе из метро – свежий номер «Evening Standard», лондонской «Вечёрки». А потеря етесь, какой-нибудь прохожий, может быть, придет вам на помощь. Конкретный пример? Пожалуйста.

Выхожу на станции «Тауэр-хилл» и попадаю в сложную путаницу улиц и переулков. Расспрашиваю выбегающих из подземки лондонцев, называю гостиницу (на свою беду не запомнил название улицы). Задумываются, приветливо улыбаются, и заботливо-ласково пробормотав «Sorry», исчезают в туманном городском сумраке. В самом скором времени около меня останавливаются два крупноформатных добрых молодца типа непробиваемые полузащитники из футбольной команды «Тоттенхемские снежные барсы». И на чистом русском (в отличие от моего ученического английского) языке спрашивают: « – Проблемы? » После моего ответа самый широкоплечий достает сотовый телефон, молниеносно отстукивает название гостиницы, на экранчике возникает топографическая схема, молодой богатырь быстро набрасывает в листке блокнота необходимый маршрут. И – счастливого пути всем нам!

А вдали от Лондона, вернувшись домой, вновь и вновь просматриваю красивый, строгого изящества, красно-кофейный пригласительный билет, полученный при входе в Кентерберийский кафедральный собор. Здесь напечатаны хорошие слова: «Мы приветствуем вас как паломника и гостя. Да соединится ваша молитва с молитвами всех тех, кто приходил сюда до вас». Наверное, можно благодарно воспринимать это трогательно-прекрасное напутствие, словно произнесенное от имени всей доброжелательной Англии, в качестве прощального подарка погрузившей в последние два дня весь Лондон в невесомое и влажное импрессионистическое чудо призрачного весеннего тумана...

Лондон – Алматы

